Арфа Гвилан

Рассказы - 1

Урсула Ле Гуин

SHOUT
SHARE
IT

- Урсула Ле Гуин

Урсула Ле Гуин
Арфа Гвилан

Арфа перешла к Гвилан от матери, и, как все говорили, мастерство игры тоже досталось ей по наследству.

«Ах, — говорили люди, когда играла Гвилан, — да ведь это же манера игры Диеры». Точно так же говорили их родители, когда играла Диера: «Ах, это же настоящая манера Пенлин!»

Матери Гвилан арфа досталась от Пенлин, которая, умирая, оставила этот чудесный инструмент самой достойной ученице. Пенлин тоже усердно трудилась, чтобы получить арфу от одного музыканта; инструмент никогда не продавался и не обменивался, и никто даже не брался оценить стоимость арфы в денежном выражении. Лишь простой бедный музыкант мог владеть столь роскошным и совершенно невероятным инструментом. Форма арфы была самим совершенством, и каждая деталь — великолепная и прекрасная: твердое и гладкое как бронза дерево, отделка серебром и слоновой костью. Большой изгиб корпуса обрамляла серебряная оправа, гравированная длинными переплетающимися линиями, которые превращались в волны, а волны переходили в листья, и из этих листьев выглядывали глаза лесных эльфов и оленей, которые вновь превращались в листья, а затем в волны, и волны снова переходили в линии. Арфу сделал великий мастер — это видел с первого взгляда даже несведущий человек, и чем дольше кто-либо на нее смотрел, тем яснее это понимал. Но вся красота инструмента создавалась ради одной лишь цели — лучшего звучания. Звук арфы Гвилан был подобен журчанию воды, и дождю, и реке, искрящейся в солнечном свете, шелесту пенистых волн на темном песке, лесу, листьям и веткам, и сияющим глазам лесных эльфов и оленей среди листьев, шелестящих, когда в долинах дует ветер. Звук арфы был одновременно всем и ничем.

Когда Гвилан играла, рождалась музыка, а что такое музыка, если не незначительное колебание воздуха?

Она играла всегда, когда этого хотели люди. Гвилан имела хороший голос, но в нем не хватало мелодичности, поэтому, когда люди хотели услышать песни и баллады, она аккомпанировала певцам. Ее игра поддерживала слабые голоса, хорошие же становились еще лучше, а громогласные, самодовольные певцы иногда даже старались сдержать свою мощь, чтобы услышать звучание арфы. Гвилан играла в сопровождении флейты, тростниковой флейты и тамбурина,

исполняла музыку, специально написанную для арфы, и мелодии, которые рождались сами по себе, когда пальцы касались струн.

«Приедет Гвилан и сыграет на арфе», — говорили на свадьбах и фестивалях. «Когда же выступит Гвилан?» — спрашивали на музыкальных соревнованиях.

Гвилан была молода; руки ее загрубели словно железо, но прикосновение было подобно шелку; она могла играть всю ночь и еще следующий день. Она путешествовала из долины в долину, из города в город, останавливаясь здесь, живя там и двигаясь дальше, путешествуя вместе с другими музыкантами. Они шли пешком, или за ними присылали телегу, или подвозили их на фермерской повозке. И как бы они ни передвигались, Гвилан несла свою арфу в футляре, обитом шелком и кожей, на спине или в руках. Когда она ехала верхом, то ехала вместе с арфой, и когда шла пешком — шла с арфой, и когда спала… нет, она не спала с арфой, но клала ее так, чтобы могла дотянуться до нее и потрогать. Гвилан не относилась к арфе с ревностью и с радостью поменялась бы инструментом с другим музыкантом; она получала огромное удовольствие, когда ее собственная арфа возвращалась к ней и музыкант говорил с завистью: «Я никогда еще не играл на столь прекрасном инструменте». Гвилан содержала арфу в чистоте, полировала отделку и натягивала струны, сделанные старым Улиадом, каждая из которых стоила как целый комплект обычных струн для арфы. В летний зной она несла арфу в тени собственного тела, а в зимний холод укрывала ее своим плащом. В зале с камином Гвилан садилась не слишком близко, но и не слишком далеко от огня, потому что смена жары и холода могла изменить голос инструмента, а возможно, и повредить корпус. Так она не заботилась даже о себе самой. Она не видела в этом необходимости. Гвилан знала, что есть другие арфисты и могут быть другие арфисты: некоторые хорошие, другие не очень. Но ее арфа

— самая лучшая. Нет и не было инструмента лучше. Эта арфа дарила наслаждение и требовала заботы. Гвилан считала себя не собственником, а исполнителем. И величественный инструмент был для нее всем — музыкой, радостью, жизнью.

Гвилан была молода, путешествовала из города в город, играла «Прекрасную долгую жизнь» на свадьбах и «Зеленые листья» на фестивалях. Ей случалось аккомпанировать пению элегий, играть на похоронах и на поминках, и там Гвилан исполняла музыку Ламента и Ориота, музыку, которая обрушивается и кричит, словно море и чайки, которая приносит облегчение и помогает разразиться слезами иссушенному горем сердцу. Иногда проходили соревнования арфистов, выступающих

в сопровождении визгливых скрипок и мощных теноров. Гвилан шла из города в город, под солнцем и дождем, неся арфу в руках или на спине. Однажды она ехала на ежегодный День музыки в Комин. Ее подвозил землевладелец Торм Вейл — человек, который так любил музыку, что поменял хорошую корову на плохую лошадь, потому что на корове не мог доехать туда, где играли прекрасную музыку. Торм и Гвилан ехали на шаткой повозке, запряженной тощей длинношеей чалой кобылой, которая шагала по склону по залитой солнцем дороге.

Медведь в придорожном лесу, или привидение в образе медведя, или тень ястреба: лошадь метнулась в сторону. Торм в этот момент говорил с Гвилан о музыке, размахивая руками, словно дирижировал хором, и от испуга и неожиданности выронил поводья. Лошадь подпрыгнула, как кошка, и понесла. На крутом изгибе дороги повозка покачнулась и сильно ударилась о каменистый склон. Колесо оторвалось и, подпрыгивая, прокатилось несколько ярдов. Кобыла продолжала взбрыкивать и скакать, волоча за собой полуразломанную повозку, и наконец скрылась из виду. И на залитой солнцем дороге, пролегшей между лесных деревьев, вновь воцарилась тишина.

Торма выбросило из повозки, и он лежал минуту или две оглушенный.

Когда лошадь метнулась, Гвилан схватила арфу, но во время внезапного падения ослабила хватку. Повозка опрокинулась, подмяв под себя арфу, но продолжала двигаться. Инструмент оставался в своем футляре из кожи и расшитого шелка, но когда уцелевшей рукой Гвилан достала футляр из-под колеса и открыла, то вынула оттуда не арфу, а кусок дерева, и еще один кусок, и спутанный клубок струн, крошки слоновой кости, скрученные обломки серебра, гравированного линиями, листьями и глазами, которые все еще удерживал серебряный гвоздь на куске рамы.

Шесть месяцев после этого события Гвилан не играла, поскольку сломала руку в запястье. Запястье заживало довольно быстро, но арфу починить оказалось невозможно. К этому моменту землевладелец Торм сделал Гвилан предложение, и она ответила согласием. Иногда она сама удивлялась, почему согласилась, ведь никогда ранее особо о замужестве не помышляла. Но если бы Гвилан заглянула в глубины своей памяти, то поняла бы — почему. Она видела, как Торм стоял на коленях возле сломанной арфы на залитой солнцем дороге, все лицо его было перепачкано кровью и пылью, и он рыдал. Когда Гвилан увидела эту картину, то поняла, что время скитаний и

странствий прошло. Бывают дни, подходящие для путешествий, но проходит ночь, наступает следующий день, и уже не стоит двигаться дальше, потому что ты пришел туда, куда стремился.

Главное богатство Гвилан, накопленное к свадьбе, составлял кусок золота, который ей вручили в качестве приза в прошлом году на Дне музыки Четырех Долин. Гвилан пришила его к корсажу как брошь — ибо где на земле можно продать столько золота? Кроме того, у нее были два куска серебра, бронзовая монета и хороший зимний плащ. Торм же имел деньги и прислугу, леса и поля, четверых батраков, еще более бедных, чем он сам, двадцать кур, пять коров и сорок овец.

Они поженились по старому обычаю, сами, над истоком ручья, там, где начинается течение, вернулись и рассказали обо всем прислуге. Торм никогда не предлагал сыграть свадьбу с пением и игрой на арфе, не сказал об этом даже ни слова. Торм был человеком, которому можно доверять.

То, что начинается с болью, в слезах, обречено на новый страх новой боли. Торм и Гвилан были добры друг к другу. Не то чтобы они прожили тридцать лет без каких-либо ссор. Даже камни, недвижно стоящие рядом тридцать лет, и то надоедают друг другу, и кто знает, что говорят люди, когда их никто не слышит. Но если два человека доверяют друг другу, они могут и поворчать, а немного ворчания убавляет силы для злости и гнева. Ссоры Торма и Гвилан вспыхивали и сгорали, словно бумага, не оставляя ничего, кроме кусочков золы, смеха в кровати под покровом ночи. Земля Торма никогда не приносила больше чем достаточно, и они не накопили никаких сбережений. Но жили они в хорошем доме, и солнечный свет мягко падал на каменистые поля. У Торма и Гвилан родились два сына, которые выросли и стали веселыми, благоразумными мужчинами. Одному нравились скитания, а второй оказался фермером от рождения; но ни у одного не было музыкального таланта.

Гвилан никогда не говорила о том, что хочет иметь новую арфу. Но к тому времени как зажило запястье, Улиад прислал странствующего музыканта, который привез арфу на время; когда же Улиад получил выгодное предложение продать эту арфу, он забрал ее обратно. В это время Торм выручил деньги от продажи трех хороших телок землевладельцу с высокогорной фермы Комин, решил, что на эти деньги надо купить арфу, и так и сделал. А год или два спустя старый друг Гвилан, все еще путешествующий повсюду флейтист, привез ей в подарок арфу с юга. Арфа, купленная на деньги от продажи трех телок, была обычным инструментом, простым и тяжелым; «южная» же имела тонкую гравировку и позолоту, но постоянно расстраивалась и

тихо звучала. Гвилан могла извлечь мелодичность из одной и силу — из другой. Когда она брала в руки арфу или разговаривала с ребенком, то и инструмент, и ребенок слушались ее.

Гвилан играла на похоронах и на фестивалях, проходивших по соседству, и на заработанные деньги купила хорошие струны; но то были не струны Улиада, потому что Улиад умер еще до рождения ее второго ребенка. Если где-то поблизости проводили День музыки, Гвилан ехала туда вместе с Тормом. Она не участвовала в соревнованиях, не потому что боялась проиграть, а потому что больше не считала себя арфисткой, и если люди не знали этого, то она знала. Поэтому Гвилан судила на соревнованиях, что делала справедливо и беспощадно. В ранние годы странствующие музыканты часто останавливались в доме Торма на две или три ночи; с ними Гвилан играла «Охоту» Ориота, «Танцы» Кайля, изысканную и прекрасную музыку севера и узнавала от проезжих музыкантов новые песни. Даже в зимние вечера в доме Торма звучала музыка: Гвилан играла на арфе — обычно на «трехтелочной», а изредка на капризной «южанке», — Торм подпевал приятным тенором, а мальчики — сначала мелодичными дискантами, а потом — хрипловатыми ломкими баритонами; один из батраков оказался веселым скрипачом; а пастух Керт, когда был дома, играл на трубе, хотя никогда не мог настроить ее в унисон с другими инструментами.

«Сегодня у нас День музыки, — говорила Гвилан. — Подкинька еще одно полено в огонь, Торм, и спой со мной „Зеленые листья“, а мальчики подпоют нам».

Шли годы, и сломанное запястье Гвилан утратило былую гибкость, а потом начался артрит. Работа, которую она делала по дому, была нелегкой. Но кто вообще, глядя на руку, может сказать, что она создана для легкой работы? Напротив, рука существует для выполнения всяческих сложных действий и является прекрасной, послушной слугой сердца и разума. Но с годами даже самые лучшие слуги становятся неловкими. Гвилан все еще могла играть на арфе, но не так хорошо, как раньше, а делать что-либо наполовину ей не нравилось. А потому две арфы, хотя и настроенные, висели на стене. Приблизительно в это время младший сын отправился странствовать, чтобы посмотреть, как живут люди на севере, а старший сын женился и привел жену в дом Торма. Старого Керта нашли мертвым высоко в горах под весенним дождем, его собака молча лежала рядом, невдалеке паслись овцы. А потом пришли засуха, хороший год, и плохой год, и были продукты, чтобы готовить и есть, и одежда, чтобы носить и стирать, хороший год или плохой год. В середине зимы

Торм заболел. После кашля у него началась лихорадка, затем он затих и умер, пока Гвилан сидела рядом.

Тридцать лет… Никто не знает, долго ли это, но не дольше, чем произнесение этих слов: «тридцать лет». И никто не знает, тяжело ли бремя тридцати лет, однако можно собрать все тридцать лет в горсть, и они покажутся легче, чем зола, короче, чем смех в темноте. Тридцать лет начались с боли и прошли в мире и довольстве. Но они не окончились сейчас. Они окончились там, где начались.

Гвилан встала с кресла и пошла в каминную комнату. Прислуга и все домашние спали. В свете свечи она увидела две арфы, висящие на стене: «трехтелочную» и позолоченную «южную» — унылую музыку и фальшивую музыку. «В конце концов, — подумала Гвилан, — я сниму их и разобью о камни камина, и буду ломать до тех пор, пока они не превратятся в щепки и клубки проволоки, как моя арфа». Но Гвилан не сделала этого. Она не могла больше играть на арфе, руки стали слишком непослушными. Но глупо ломать инструмент, на котором даже не можешь играть.

«Больше не осталось инструмента, на котором я могу играть», — подумала Гвилан, и мысль эта звучала у нее в голове, словно длинный аккорд, пока она не поняла, из каких нот он составлен. «Я думала, что моя арфа — это я сама. Но это не так. Арфа сломалась, а я — нет. Я думала, что я — жена Торма, но и это не так. Торм умер, а я — нет. И теперь у меня не осталось ничего, кроме меня самой. Ветер дует из долины, у ветра есть голос, отрывок мелодии. А потом ветер стихает или меняется. Работа должна быть сделана, и мы ее сделали. А теперь настал их черед, детей. А мне не осталось ничего, только петь. Я никогда не умела петь. Но надо играть на том инструменте, который имеешь». Она стояла у холодного камина и пела «Похоронную песнь» Ориота. Люди в доме пробудились в своих кроватях и услышали, как поет Гвилан, — все, кроме Торма, но он и так знал эту мелодию. И тогда проснулись расстроенные струны висящих на стене арф и тихо ответили, голос в голос, вместе, словно глаза, которые сияют среди листвы, когда дует ветер.